

СВЯТОЙ ИОСИФ РАФАИЛ КАЛИНОВСКИЙ (1835-1907)

В последней энциклике Иоанна Павла II - "Centesimus annus" ("Сотая годовщина")* "Данная энциклика была написана в связи со столетней годовщиной энциклики "Rerum Novarum" -прим. перев." есть раздел, озаглавленный "Год 1989". Особое упоминание этой даты свидетельствует о том, что тогда произошли "события всемирного значения", пусть даже это случилось в странах Восточной и Центральной Европы.

Папа, в частности, упоминает "встречу между представителями Церкви и рабочего движения", состоявшуюся в Польше; затем крах марксизма и начало для многих народов новой - свободной - эпохи. Если же говорить о самых последних событиях, то нужно упомянуть и начало распространения католицизма в ряде стран Восточной Европы, например в России.

Однако наша историческая память была бы слишком короткой, если бы начало драмы, которая только на наших глазах начинает приходить к разрешению (и не разрешится полностью без страданий и коренных преобразований), мы связывали со второй мировой войной или с трагедией Октябрьской революции 1917 года.

Россия, Польша, Литва - ограничимся этими тремя странами, поскольку именно там происходили те события, о которых мы поведем речь. За плечами у этих стран - целые века ожесточенной и неравной борьбы за правду и свободу, против несправедливости и насилия.

По крайней мере, этот факт должен навести нас на мысль о том, что драмы народов коренятся в сердцах людей и что смена исторических событий влечет за собой лишь смену внешних обстоятельств борьбы, ее идеологической окраски, но не меняет корней конфликтов.

Святой, о котором мы хотим рассказать,- кармелитский монах Рафаил Иосиф Калиновский. Он умер в 1907 году, при царе, когда коммунизма еще не существовало, причем умер в Вадовиче, в том маленьком польском селении, где тринадцать лет спустя родился нынешний Папа Иоанн Павел II.

"Оглядываясь на свое прошлое,- сказал однажды Папа,- я вспоминаю, что почти с самого рождения я жил рядом с кармелитским монастырем, на котором лежал отпечаток жизни и смерти раба Божьего Отца Рафаила Калиновского".

Но уже тогда, еще до начала ленинско-сталинского насилия, Польша и Литва стонали под русским сапогом и их города заливала кровь восставших.

Литовцы и поляки (католические народы, объединенные в союз с XIV века), находились под властью России с 1772 года.

Когда в 1835 году в Вильно (Вильнюсе) на свет появился Иосиф Калиновский, отпрыск старинного и благородного семейства, Польши уже сорок лет как не существовало на географической карте: ее расчленили сильные мира сего - 82% отошло к России, 10% - к Австрии и 8% - к Пруссии. И такое положение длилось до 1918 года, а потом начались беды еще страшнее.

Литва существовала в качестве единой страны, но процесс ее насильственной русификации был скор и беспощаден. Царизм знал, что для того чтобы уничтожить народ и подчинить его себе, помимо военной силы и экономического обескровливания, необходимо прежде всего лишить его культуры и веры.

Однако мечты о свободной Польше и Литве продолжали жить в сердце их детей, и восстания следовали одно за другим.

Всего за пять лет до рождения Иосифа Калиновского произошло так называемое "Ноябрьское восстание", продлившееся десять месяцев, и он, будучи еще ребенком, мог наблюдать его трагические последствия: постоянные депортации, смертные казни на рыночной площади. Однажды ему пришлось наблюдать "страшную вереницу еврейских детей, которых гнали в ссылку". Как видим, нет таких ужасов, которые были бы связаны лишь с определенными режимами и определенными историческими периодами.

Маленький Иосиф впитывал в себя веру и свою принадлежность к католичеству в национальном храме "Остра Брама", а образ "Матери Милосердия" будет сопровождать его всю жизнь.

В глубине души он навсегда сохранит врожденную близость к ордену Кармелитов, которому был вверен храм. Именно кармелиты построили рядом с ним церковь Святой Терезы с несколькими фресками, изображающими эпизоды из жизни святой, а также монастырь. Однако не менее глубокое чувство влекло маленького Иосифа и в церковь Святой Троицы, на могилы мучеников, боровшихся за объединение восточных церквей с Римом.

При всем при том, его не покидало чувство грусти при виде несправедливости и рабства, тем более, что окна его дома выходили на доминиканский монастырь, превращенный по велению царя в тюрьму (в ней впоследствии будет заключен сам Иосиф). Другие церкви и монастыри стали казармами.

В восемь лет Иосиф поступил в Институт благородных детей - в этом колледже его отец преподавал математику. Он оставался там до шестнадцати лет и блестяще закончил первый цикл обучения, наотрез отказавшись изучать

"Царский катехизис", навязанный русскими. Затем он прошел двухлетний курс агрономии.

Но тут рана становится еще более болезненной: у поляка и литовца не было иного пути к получению образования, кроме поступления в какой-нибудь русский университет, что неминуемо влекло за собой русификацию будущего студента. У Иосифа были незаурядные способности к математике, поэтому после некоторых колебаний он поступил в Санкт-Петербургскую (до недавнего времени Ленинградскую) инженерную академию.

Это был самый печальный период его жизни.

Конечно, способный, воспитанный, блистающий в учебе студент снискал всеобщее уважение. По окончании трех лет обучения он был уже лейтенантом инженерного дела и ассистентом на кафедре математики той же академии.

Но он оказался в среде, проникнутой религиозной индифферентностью и научным позитивизмом, и потому его вера начала колебаться настолько, что в глубине души он стал сомневаться, не изменил ли он самому серьезному своему призванию.

Уже в старости он сделает такое признание: "Обращаясь теперь к некоторым наиболее важным моментам своей жизни, я понимаю, что тогда, прежде чем уехать в Россию, я должен был попытаться поступить в епархиальную семинарию Вильнюса. И именно потому, что я этого не сделал, многие годы моей жизни, особенно молодости, прошли даром, превратившись в суету, не принеся пользы ни мне, ни другим".

Эта оценка, вынесенная в годы полной духовной зрелости, очень сурова, близка к самоуничижению.

Конечно, в промысле Божиим все периоды его жизни, в том числе и отмеченные сомнениями и неуверенностью, были лишь этапами единого предначертанного ему пути, сливались в один гармоничный рисунок спасения и святости, который пошел бы на благо всей Церкви.

Но Иосиф боялся потерять веру. В одном из своих писем он говорил:

"Я прибегаю к суете этого мира, ища в ней лекарство для себя, но не нахожу внутреннего покоя. Я должен сказать тебе, что никогда не встречал в своей жизни человека, столь нетвердого в своих намерениях, как я".

Он чувствовал себя духовно больным и объяснял это с большой грустью:

"Это мое несчастье: я ищу дух, а нахожу лишь материю".

И тем не менее, он читал "Исповедь" блаженного Августина и посещал католический культурный кружок.

В тот период произошел один случай, который произвел на него огромное впечатление. Внезапно ощутив потребность исповедаться, он вошел в католическую церковь, но там не было ни души. Он преклонил колени в исповедальне, но в ней не было священника, который выслушал бы его исповедь. Тогда он заплакал от невыразимой тоски.

Возможно, этот случай объясняет, почему позже, когда он был уже старым священником, даже будучи больным и усталым, он никогда не позволял себе оставить свою исповедальню.

В 1855 году в возрасте двадцати лет он смог вернуться на родину на короткие каникулы, и угнетенное состояние народа потрясло его как никогда.

Он напишет в своих мемуарах:

"Крестьяне в этих местах были добрыми и добродетельными, но их подвергли стольким страданиям, в том числе воинской повинности, которая тогда длилась двадцать пять лет. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня дрожит рука".

Первой работой, которая была поручена молодому инженеру, стал проект железной дороги по маршруту Курск-Киев-Одесса. Он должен был наметить трассу через грязь и болота, но на этих пустынных и безграничных просторах ему удалось, как он потом писал, "поработать с самим собой и над самим собой".

И он обрел Бога. Случайно ему в руки попала книжечка о благочестии Марии, которая пробудила и подогрела его веру истинного поляка.

Работы по строительству железной дороги на какое-то время были прерваны из-за отсутствия денег, а Калиновский, повышенный в звании до капитана Генерального штаба, был назначен в крепость Брест-Литовск на должность суперинтенданта по фортификации и эксплуатации.

Стоит немного остановиться на его пребывании там, поскольку оно оказалось определяющим для более глубокого формирования его личности, а также для проявления Божьего дара (здесь начались размышления о его истинном призвании и первые попытки мирского проповедничества).

Крепость Брест-Литовск, расположенная на русско-польской границе, была и остается до сих пор символом драмы этих народов, горнилом самых трагических событий их общей истории.

В 1596 году там был ратифицирован союз между Киевской и Римской церквами, и в память этого события была построена церковь Единения Святого Николая. Впоследствии царь отменил этот союз, повелев разрушить церковь и построить новый храм на руинах прежнего, и началось преследование католиков.

Здесь мы позволим себе перенестись в сегодняшний день: и от этой второй церкви остался лишь каркас нефа, который вплоть до недавнего времени был закрыт железными решетками и задрапирован красными знаменами. Именно в этой крепости Ленин подписал бессмысленный договор с Германией и Австрией. В этой крепости восемь тысяч русских солдат оказали сопротивление нацистам и были истреблены. В этой разрушенной крепости, получившей звание "Героическая" и считавшейся национальным памятником, еще совсем недавно возвышались гигантские монументы Ленину и советским героям. Вход же в крепость представлял собою огромную цементную красную звезду, всегда освещавшуюся красным светом - под цвет крови. Сейчас в Брест-Литовске скапливаются толпы русских, пытающихся перейти через границу.

Словом, это был населенный пункт, в котором сконцентрировались сотни лет истории; и это была крепость, доверенная Калиновскому, будущему святому.

Он был здесь в 1863 году, когда до него дошла весть о "Январской революции". Калиновскому было тогда двадцать восемь лет, присягой он был связан с царской армией, а кровью и верой - со своей Родиной.

Позже он расскажет в своих мемуарах: "Слишком явственным было внутреннее видение борьбы безоружного народа против силы русского правительства, располагавшего огромной и мощной армией. Носить мундир этой армии в то время, как сжималось сердце при известии о пролитой крови твоих братьев, было невыносимо. Я спрашивал себя: имею ли я право пребывать в бездействии, когда столько людей жертвуют всем ради этого дела?"

Выйти в отставку из русской армии было не самой сложной проблемой. Самым мучительным было сблизиться с восставшими, отдавая себе отчет в том, что восстание было ошибкой и обречено на поражение.

Ошибкой не потому, что были несправедливы выдвигаемые требования, а потому, как он говорил, что "Польша нуждалась тогда не в новом кровопролитии на полях сражений - слишком много было ее пролито,- а в поте труда".

Как он потом скажет, это было "восстание, основанное на воображении: оно было наихудшим образом организовано (пришлось закапывать оружие, так как восставшие были даже не в состоянии проследить за его распределением!); международная помощь осуществлялась лишь на словах; были и лишённые здравого смысла подстрекатели, которые использовали восстание в собственных целях".

И тем не менее, очень многие молодые люди отдавали свои жизни за идеалы правды и свободы как истинные мученики.

Калиновский сначала попытался разубедить восставших, однако был обвинен в трусости и даже в шпионаже в пользу русских.

На это он отвечал: "Посмотрим, кто сможет принести себя в жертву!"

Он поступил в распоряжение "Национального Совета восстания" и был назначен Военным Министром Вильнюсской области.

Но прежде чем дать согласие, он поставил одно единственное условие: он никогда не подпишет ни одного смертного приговора.

Но, как он и предвидел с самого начала, восстание было подавлено и обезглавлено: его руководители один за другим попадали в руки царской полиции. Губернатором Вильнюса был назначен человек, известный своими грубыми и жестокими методами. Его называли "Вешатель", и даже царь испытывал беспокойство по поводу его кровавого усердия. Проводя репрессии, он следовал элементарному критерию: "поляк и католик на языке народа являются синонимами", поэтому надо уничтожить все следы как польского языка и культуры, так и католических институтов.

Он начал с того, что отправил в ссылку Вильнюсского епископа и повесил нескольких священников, а потом переделал монастыри в тюрьмы.

В это ужасное время Иосиф Калиновский, внутренне созрев, нашел в себе силы, спустя почти десять лет, вновь пойти на исповедь.

Когда его арестовали, Калиновский решил взять всю ответственность на себя, чтобы никого не выдать.

В мемуарах он написал:

"Я боялся, что мое молчание могло побудить власти провести тщательное расследование о деятельности общества, в котором я состоял, а также о людях, с которыми я был связан. Поразмыслив над этим, я твердо решил всецело обвинить самого себя, чтобы не было необходимости вести каких-либо расследований обо мне... Взяв полностью вину на себя, я безусловно приговаривал себя к смерти".

Один биограф очень точно описал его моральный облик: "Удерживать других от серьезных ошибок, не принимать никакого участия в их совершении, но потом великодушно согласиться разделить печальные последствия этих ошибок, подвергнувшись вместе с другими наказанию и не обвинив при этом никого - вот подлинное лицо Иосифа Калиновского".

Он был приговорен к смертной казни, и "Вешатель" хотел поскорее избавиться от него, однако ему объяснили, что в этом случае он подарил бы полякам мученика: уже тогда многие его считали святым.

Это был один из тех случаев, когда вера показывает свою парадоксальную силу: если поляк означает католик, то трогать истинного поляка означает трогать истинного католика, то есть святого. Так сила уравнения (отождествления) оборачивалась против преследователя.

Смертная казнь была заменена десятью годами каторжных работ в Сибири, однако ему пришлось заплатить еще более ужасную цену: военный трибунал умышленно пустил слух о том, что его помиловали, якобы благодаря предоставленной им информации и доносам. Так бывший капитан Генерального штаба, бывший Военный Министр с бритой головой и в куртке заключенного достойно и смиренно начал свой крестный путь.

Здесь уместно привести его собственный рассказ, выдержанный в духе почти литургической торжественности:

"В праздник святых апостолов Петра и Павла, пополудни, мы, заключенные, длинной вереницей двинулись по улицам Вильнюса к железнодорожному вокзалу. Огромная толпа людей теснилась на улицах, и конные казаки оттесняли всякого, кто пытался приблизиться к нам. Многие выглядывали из окон домов.

Это было похоже на похоронную процессию. А сколько подобных конвоев прошло до нас с начала революции! Среди нас были люди разного возраста и положения: частные собственники, врачи, антрепренеры, рабочие, крестьяне, замужние женщины и девушки... Это было подобно паводку, воды которого неслись к Дальнему Востоку. Среди сопровождающих не было ни одного священника. Мы заняли места в вагонах, где нас нагромодили одного на другого. С нами обращались, как с вещами, с которыми можно делать все, что заблагорассудится. Когда поезд тронулся, двинувшись между железнодорожными насыпями, люди стали бросать на него цветы, как на могилы умерших".

Эти размышления печальны, особенно если подумать о последующей истории: когда десятки тысяч депортированных царизмом будут "отомщены" миллионами других несчастных, тоже мучимых и тоже невинных, и Сибирь станет синонимом нового революционного террора так же, как это было при старом терроре.

В голову приходит еще одна ассоциация: поезда с депортированными напоминают нам о кошмаре нацизма, а Сибирь - об ужасах сталинизма. Как часто мы забываем о том, что насилие и несправедливость сидят в самом сердце светской власти во все эпохи, когда люди отдаляются от Бога или прикрывают Его именем свои низменные цели.

Депортированный и осужденный Калиновский проехал те же земли, через которые он, будучи офицером, чертил трассу железной дороги. Затем скорбное путешествие продолжалось до Иркутска, потом еще дальше - до Уссольских соляных копей около озера Байкал - всего около восьми тысяч

километров, проделанных частично в железнодорожных вагонах, частично на грузовиках, в лодках и пешком.

Понадобилось десять месяцев, чтобы прибыть к месту назначения: "Необъятные равнины, простиравшиеся за Уралом,- писал осужденный,- превратились в безграничное кладбище для десятков тысяч жертв, отнятых от груди Матери-Родины и поглощенных навсегда".

Создается впечатление, что это выражение взято из сегодняшних газет, и это лишний раз доказывает, как мы уже подчеркивали, что прямо противоположные политические режимы могут порождать одинаковое насилие.

Слова, сказанные царским вешателем Муравьевым, сопровождавшим осужденных, впоследствии будет звучать и из уст нацистских тюремщиков, и из уст коммунистических палачей, и многих других начальников: "Жили, как собаки, как собаки, и умрут!"

Во всякую эпоху подлинная революция происходит в сердцах тех немногих людей, которые умеют защищать свою культуру и свою веру, а также умеют открыть их другим, даже живя при 35-40 градусах мороза, даже закованные в цепи и кандалы.

Иосиф Калиновский, насколько нам известно, именно в Сибири достиг самой полной внутренней зрелости.

Он писал: "Мир может лишить меня всего, но у меня всегда будет недоступное для него убежище: молитва. В ней можно соединить прошлое и настоящее, а также будущее в виде надежды... Кроме молитвы, я ничего не могу предложить Богу, следовательно, я считаю ее моим единственным даром. Я не могу соблюдать посты, у меня почти ничего нет, чтобы подать милостыню, нет сил работать, остается лишь страдать и молиться. Однако никогда у меня не было более дорогих сокровищ. И мне не надо ничего другого".

И далее: "Церковь умеет излучать надежду, даже когда человек пребывает в состоянии самой глубокой тоски, поэтому в каждом положении есть возможность использовать средства, которые посылает нам Провидение, чтобы обрести спасение".

Между тем, в его сердце вновь зрело призвание к священничеству. Время, оставшееся у него после каторжных работ, он посвящал молитве, чтению (он привез с собою "Евангелие" и "Подражание Христу" и даже разыскал переведенные поэмы Данте и Тассо, "Экзерсисы" святого Игнатия Лойолы, а также богословские тексты). Он также посвящал себя милосердию по отношению к самым слабым своим товарищам по несчастью.

Примечателен, например, случай с одним тяжело больным заключенным-пьяницей, который ничего не хотел слышать ни о Боге, ни о людях и отвергал

всякую помощь. Наш святой был около него, обращаясь с ним так заботливо, что тот, умирая, воскликнул: "Я думал, что можно обойтись без Бога и без людей, но теперь вижу, что это не так!"

Мы можем привести еще множество подобных случаев, но и тогда мы не узнаем о нем столько, сколько узнали из одной любопытной и характерной детали. Некоторые заключенные включили в свои молитвы такие слова: "Молитвами Иосифа Калиновского, Господи, освободи нас!"

Он стал для них "живым таинством", которому вверяли себя, прося Божьего покровительства, как это принято в "Литаниях святых", когда в конце перечисляются таинства жизни Иисуса и верующие молят: "Твоей смертью и Воскресением, Господи, освободи нас!"... "Молитвами Иосифа Калиновского, Господи, освободи нас!"

С годами условия жизни заключенных улучшались, периодически объявлялись амнистии.

В 1874 году Иосиф Калиновский был окончательно освобожден, но в возвращенном ему паспорте значился запрет на жительство в Литве. Ему было тогда тридцать девять лет. Чтобы содержать себя, а также из любви к воспитательной работе, он принял должность наставника маленького князя Августа Чарторийского, семья которого находилась в ссылке в Париже, в отеле Ламбер, где ссыльные дворяне вели достойную и строгую, почти монашескую жизнь.

О том, как он представлял себе роль воспитателя, мы знаем из его письма к другу, пожелавшему посвятить себя такой же миссии:

"Педагоги здесь очень ценятся, и ты легко мог бы найти работу. Однако я против этого, хотя считаю тебя хорошим педагогом. До тех пор пока ты не откроешься в свете Христа, я считаю тебя неспособным к воспитанию молодежи., потому что ты не способен понять потребность человеческой души. Пишу тебе об этом откровенно, зная, что ты сможешь отличить искреннюю дружбу от поверхностной. Ты знаешь, мой дорогой, как бы я желал, чтобы ты был полезен для самого себя, и для других, и для Бога. Пока ты еще не принадлежишь самому себе., конечная цель жизни еще не ясна для тебя".

Маленький князь Август обладал слабым здоровьем, это обязывало наставника сопровождать его на лучшие курорты Европы; между тем, оба - учитель и ученик - продвигались по дороге к святости.

Мальчик с волнением слушал старинную биографию св. Луиджи Гонзага - маленького маркиза, ставшего иезуитом и умершего совсем молодым из-за ревности к делам милосердия.

Взрослый же, бывший Военный Министр, спрашивал себя, какой религиозный орден ему следовало избрать?

Они расстались в 1877 году. Забегая вперед, отметим, что шесть лет спустя Август Чарторийский встретит в отеле Ламбер святого Иоанна Боско и получит из его рук одежду салезианского послушника, который умер совсем молодым, но настолько зрелым, что Иоанн Павел II, едва став Папой, подписал декрет, в котором признается героизм его добродетелей, а вскоре после этого он будет причислен к лику святых.

Вернемся, однако, к Калиновскому, которого все более привлекали молитвы, а также заботы кармелитских монахинь Кракова.

Кармелитский орден Польши с трудом противостоял постоянным гонениям. Монахини мечтали и молились, чтобы появился сильный и умный наставник, который помог бы восстановить Орден. Познакомившись с Калиновским, они решили, что нашли подходящего человека. До него дошли афоризмы святой Терезы д'Авила: "Никаких волнений (никакой растерянности), все проходит (Бог не меняется), терпение (все можно приобрести), когда имеешь Бога (то есть все)".

Иосиф воспринял эти афоризмы как источник вдохновения. "Каждый день,- говорил он,- я черпаю силы из этих слов".

Наконец, призыв возобладал: "Уже год, как до меня доходил, подобно эху, голос кармелитов. Этот голос сейчас ясно обращен ко мне, и я его услышал: это спасительный голос, посланный мне бесконечной милостью Божьей. Могу лишь воскликнуть: "вечно буду воспевать милость Господа!" Сейчас я считаю призыв "к Кармелитам" призывом, внушенным Богом".

В возрасте сорока двух лет он явился в послушничество Грац в Австрии, поступив туда "с единственной мыслью посвятить себя жизни раскаяния".

Там он нашел учителя, который полностью удовлетворил его и ничего не пожалел для него. Иосиф, ставший в монастыре братом Рафаилом, скажет потом, что "за десять лет Сибири он перенес меньше, чем за один год послушничества". Но он поступил туда с таким решением: "Теперь мне остается только одно: безоговорочно пожертвовать себя Ему и никогда не расставаться с Иисусом Христом".

Он завершил свое образование в Венгрии и получил распоряжение отправиться в Польшу. В единственном монастыре - старинном скиту - жило всего восемь старых монахов, из них только четверо были поляками. Приезд Калиновского был началом перемен: против своей воли он должен был стать главным действующим лицом. Его сразу назначили наставником послушников, потом настоятелем, а потом Викарием Провинции.

Под его руководством Кармелитская провинция Польши расцвела, и теперь она одна из самых многочисленных в ордене.

В 1892 году, ровно сто лет тому назад, он открыл второй монастырь в Вадовице и превратил его в семинарию. Это было в том же городке, где тогда жили родители Иоанна Павла II.

Строгий кармелит распределял свое время между образованием монахов и семинаристов, а также осуществлял духовное руководство монастырей, заботился о создании новых фондов, о воссоздании архивов ордена, о публикации духовных текстов.

Лишь однажды Калиновский несколько усомнился, когда ему в руки попала "История одной души"- автобиография французской монахини святой Терезы из Лизьё, которая, по выражению Папы Пия XI, должна была потрясти мир "ураганом славы".

Пожилому и строгому монаху, требовательному воспитателю монахинь это произведение сначала показалось слишком слабым и инфантильным, и он отказался его публиковать. Однако потом интуитивно почувствовал, что глубина и сила этой книги значительно превосходят то, что он получил за годы недолгой учебы. И он написал в Лизьё извинительное письмо, чтобы "сгладить" неловкость.

Со временем он стал духовным отцом своего народа. С самого рассвета к его исповедальне стекались все большие и большие толпы людей, и там он проводил жизнь, невзирая на холод и на все более тяжкие неудобства, а его здоровье ухудшалось. Его звали "мучеником исповедальни" - это выражение было воспроизведено Иоанном Павлом II в речи, посвященной причислению Калиновского к лику святых. Он так много молился, что кто-то назвал его также "живая молитва".

"Долг кармелитов,- объяснял Калиновский,- это разговор с Богом всеми нашими поступками".

И он нашел у кармелитов свою специфическую миссию, как это характерно для всех святых, принадлежащих к этому религиозному ордену.

Он вступил в братство, когда его личность уже сформировалась, личность, отмеченная страданием и отличающаяся врожденной строгостью. Поэтому моменты покаяния, свойственные ордену кармелитов, поначалу казались ему наиболее близкими и наиболее "применимыми в религиозной практике", учитывая историческую ситуацию, в которой он жил.

И тем не менее, его назначение было иным, и Бог определил ему особое место в Кармелитском ордене, побудив его доискаться до истоков Божественного дара для избрания собственного пути.

Еще давно, когда он и не помышлял стать монахом, он задумался над тем, что орден Кармелитов, возникший на Востоке и перенесенный на Запад, подходил особенно для того, чтобы работать в этих странах ради единства Церкви.

Когда он стал кармелитом, "чудесным образом ведомый к этой цели", как он впоследствии скажет,- эта мысль в сочетании с его богатым жизненным опытом, завладела его сердцем.

"Священное единство! Святое единство! Эти слова, наполняя сердце болью, зажигают также огонь надежды",- писал он в 1904 году.

Весь пройденный Калиновским жизненный путь позволил ему понять что-то, что мы начинаем понимать лишь к концу нашего века, после падения всех режимов и всяческих идеологий: разобщение между христианами является "самым большим злом нашего общества", а "самый надежный путь для мира - это именно единение".

Чем больше проходило времени, тем больше он чувствовал, что "не в состоянии освободиться от мысли о единении" и "от желания увидеть преображенную Москву".

Он писал некоей французской монахини: "Хотя я уже чувствую, что приближаюсь к закату (ему было тогда шестьдесят два года), я не могу избавиться от мысли, что Господь Бог, если не оставит меня, позволит мне Своей милостью еще потрудиться в Кармелитском ордене Госпожи Нашей для единения Церкви".

"Привести Россию к Христу, а Христа к России" - это была его "католическая" мечта, распространявшаяся на все славянские страны. Кроме того, он рассматривал эту цель в качестве основной в своей кармелитской деятельности, опираясь при этом одновременно на теологию и историю: союз между Востоком и Западом может осуществиться только через Марию, и именно Кармелитский орден должен заботиться об этом в силу своего призвания.

Всегда относясь с огромным уважением к православной Церкви, Калиновский, однако, не способен был легко поступиться своими принципами: отделение от Рима означало для славянских народов в какой-то мере и отделение от общего Христа.

Он интуитивно чувствовал, что именно в разъединении христиан коренятся все политические конфликты, вековая враждебность, полившая кровью Европу, слабость церквей и их пособничество светской власти.

После смерти Калиновского разобщенная Церковь и на Востоке, и на Западе еще более ужасающим образом продемонстрировала свою неспособность защитить Европу, противостоять натиску широко распространяющегося неоязычества.

И тем не менее, то что осталось от общей веры, спасло Европу *in extremis* (лат.).

Сегодня очевидно, что объединение Церквей необходимо для того, чтобы избежать новых катастроф, но эта проблема до сих пор остается нерешенной. И поскольку данная проблема неизменно будет становиться для современной Церкви все более насущной, следует внести ясность в этот вопрос:

Союз христианских Церквей есть единственная надежда для нашего растерзанного мира, иначе он подвергнется новым идеологическим искушениям: теперь это очевидно для всякого истинно верующего человека и является предметом его неотступной заботы;

Союз этот может быть осуществлен только через Марию, и это не выдумка набожных людей, а убеждение в том, что объединить нас может только дар спасения, полностью принятый лишь Той, что решила полностью воспринять весь Божественный промысел в Христе, без всякой идеологической предвзятости, как это сделала Мария, отдавшая тело и душу, разум и сердце.

Польский кармелит Калиновский, увидевший решение проблемы в Марии, направляет нас и сегодня.

Вспомним, как на смертном одре он непрерывно повторял слова Христа: "Отец, пусть будут все - одно целое!"

Антонио Сикари. Портреты святых. Том 3.

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/page08.htm#9

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/